

УДК 327
ББК 66.4
Ф94

Фукуяма, Фрэнсис.
Ф94 Россия на распутье : перевод с английского / Фрэнсис Фукуяма. — Москва : Родина, 2023. — 224 с.

ISBN 978-5-00180-725-4

Фрэнсис Фукуяма — американский политолог японского происхождения, он считается одним из крупнейших представителей современной геополитики.

В своих произведениях, собранных в данной книге, Фукуяма подробно показал, как «мировая либеральная революция» привела вначале к падению СССР, а затем создала реальную угрозу для Российской Федерации. По мнению автора, автократический режим в России не выдержит наступления либерализма, особенно в нынешних условиях, когда сам либерализм меняется и все более принимает национальную окраску.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-00180-725-4

© Фукуяма Ф. (Fukuyama F.), 2022
© Перевод с английского, 2022
© ООО «Издательство Родина», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	6
Вместо предисловия	8
Век пессимизма	25
Нелегитимность диктатуры	33
Крах Советского Союза	37
Мировая либеральная революция	47
Пассионарный гнев	55
Универсальное и однородное государство	66
Культура и демократия	73
Корни труда	90
Империи презрения, империи почитания	107
«Realpolitik»	112
Национальные интересы	139
Тихоокеанский Союз	153
В царстве свободы	165
Свободные и неравные	196
Закат общественной жизни	205
Войны духа	213

ОБ АВТОРЕ

Фрэнсис Фукуяма (родился в 1952 году) — американский философ, политолог, политический экономист и писатель японского происхождения.

Фукуяма стал известен благодаря книге «Конец истории и последний человек», в которой провозгласил, что распространение либеральных демократий во всем мире может свидетельствовать о конечной точке социокультурной эволюции человечества и стать окончательной формой всемирного правительства.

Победа либерального глобализма знаменует собой окончание «исторических» конфликтов между государствами: «Фундаментально невоинственный характер либерального общественного строя очевиден в необычайно мирных отношениях, которые страны с таким строем поддерживают друг с другом. Либеральные демократии демонстрируют мало недоверия или интереса к господству друг над другом. Они придерживаются одинаковых принципов всеобщего равенства и прав, и поэтому у них нет оснований оспаривать легитимность друг друга». Реальная политика (политика с позиции силы, по определению Фукуямы), соответственно, теряет свое значение. Основным источником взаимодействия между либеральными демократиями останется экономика.

Однако это не означает, что международные конфликты исчезнут раз и навсегда. Дело в том, что во время «триумфального шествия» либеральной демократии мир будет временно поделен на две части: историческую и постисторическую. Последняя будет включать в себя либеральные демократии.

Конфликты между историческими и постисторическими государствами возможны: «Сохранится высокий и даже все возрастающий уровень насилия на этнической и националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпают себя и в постисторическом мире. Палестинцы и курды, сикхи и тамилы, ирландские католики и валлийцы, армяне и азербайджанцы будут копить и лелеять свои обиды. Из этого следует, что на повестке дня останутся и терроризм, и национально-освободительные войны». Однако крупных конфликтов между мирами не предвидится, поскольку для этого нужны крупные государства, находящиеся в рамках истории, но они уходят с исторической арены.

Фукуяма полагает, что в большинстве случаев исторический и постисторические миры будут мало взаимодействовать друг с другом и вести почти параллельное существование. Нефть, иммиграция и вопросы мирового порядка (безопасности) будут возможными точками их соприкосновения. Взаимоотношения между мирами будет развиваться на основе реалистической политики.

В области внутренней политики Фукуяма выступает активным поборником минимальной роли государства в жизни общества (в особенности в экономике). Излишне сильное правительство, по его мнению, приводит к подавлению гражданского общества, деформации рыночных отношений и даже возникновению «преступных сообществ». Однако именно для того чтобы противостоять таким сообществам, Фукуяма допускает усиление роли государства в демократических странах и даже создание «национального либерализма».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Демократическая рецессия

Либерализм в опасности. Основой либеральных обществ являются терпимость к различиям, уважение прав личности и верховенство закона. И все это находится сейчас под угрозой, поскольку мир переживает то, что можно назвать демократической рецессией или даже депрессией. По данным Freedom House, политические права и гражданские свободы во всем мире сокращаются каждый год в течение последних 16 лет. Упадок либерализма проявляется в растущей силе автократий, таких как Китай и Россия, эрозии либеральных — или номинально либеральных — институтов в таких странах, как Венгрия и Турция, и отступлении либеральных демократий в таких странах, как Индия и Соединенные Штаты.

В каждом из этих случаев росту антилиберализма способствовал национализм. Нелиберальные лидеры, их партии и их союзники использовали националистическую риторику в стремлении к более жесткому контролю над своими обществами. Они осуждают своих оппонентов как «элиты, оторванные от жизни», как изнеженных космополитов и глобалистов. Они утверждают, что являются настоящими представителями своих стран и их истинными хранителями. Иногда нелиберальные политики изображают своих либеральных коллег просто карикатурно, как ничего не умеющих людей «не от мира сего». Часто они называют своих либеральных соперников не просто политическими противниками, а чем-то более зловещим: врагами народа.

Сама природа либерализма делает его восприимчивым к таким атакам. Главный фундаментальный принцип, закреплённый в либерализме, — это принцип терпимости: государство не предписывает верования, понятия идентичности человека или любые другие догмы. С момента своего тогда ещё слабого появления в семнадцатом веке в качестве организующего принципа политики либерализм намеренно снижал свои политические цели с достижения «хорошей жизни», к чему всегда призывали религии, моральные доктрины или культурные традиции, на сохранение самой жизни в условиях, когда население не может договориться о том, что такое эта самая «хорошая жизнь».

Эта агностическая природа либерализма создает некий духовный вакуум, поскольку люди идут своими путями и испытывают лишь слабое чувство общности. Либеральные политические порядки действительно требуют общих ценностей, таких как терпимость, стремление к компромиссу и здравому смыслу, но они не способствуют сильным эмоциональным связям, характерным для тесно сплочённых религиозных и этно-националистических обществ. И на самом деле, либеральные общества часто поощряли бесцельную погоню человека за материальным самоудовлетворением.

Самой сильной стороной либерализма остается его существовавший веками прагматизм и его способность создавать разнообразие в плюралистических обществах. Тем не менее, тому разнообразию, с которым могут справиться либеральные общества, тоже существуют пределы. Если достаточное множество людей сами отвергают либеральные ценности и стремятся ограничить основные права других, или если граждане прибегают к насилию, чтобы добиться своего, то либерализм сам по себе не может под-

держивать политический порядок. И если общества отходят от либеральных принципов и пытаются основывать свою национальную идентичность на категориях расы, этнической принадлежности, религии или каком-либо другом понимании «хорошей жизни», они провоцируют возвращение к потенциально кровавому конфликту. Мир, полный таких стран, неизменно будет более разделенным, более беспокойным и более жестоким.

Вот почему для либералов тем более важно не отказываться от идеи нации. Им следует признать, что на самом деле ничто не делает универсальность либерализма несовместимой с миром наций-государств. Национальная идентичность податлива, и ее можно формировать так, чтобы она отражала либеральные устремления и одновременно прививала широкой публике чувство общности и цели.

Духовный вакуум либерализма

Либеральные общества испытывают большие трудности с тем, чтобы представить своим гражданам позитивное видение национальной идентичности. Теория, лежащая в основе либерализма, сталкивается со сложностями в проведении четких границ вокруг сообществ и объяснении того, чем люди могут располагать внутри и вне этих границ. Это происходит потому, что либеральная теория построена на концепции универсализма. Как утверждается во Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». И далее: «Каждый человек имеет право на все права и свободы, изложенные в настоящей

Декларации, без каких бы то ни было различий, таких как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или

иные убеждения, национальное или социальное происхождение, собственность, место рождения или чего-либо иного». Либералы теоретически озабочены нарушениями прав человека, где бы в мире они ни происходили. Многие либералы не любят окрашенных национальной особенностью пристрастий националистов и воображают себя «гражданами мира».

Заявление об универсализме иногда трудно согласовать с разделением мира на национальные государства. Например, нет четкой либеральной теории о том, как проводить национальные границы, что представляет собой огромный недостаток либеральной теории, который привел к внутрилиберальным конфликтам на основе сепаратизма в таких регионах, как Каталония, Квебек и Шотландия, и разногласиям по поводу миграционной политики и отношения к беженцам. Популисты, такие как бывший президент США Дональд Трамп, очень эффективно воспользовались этим противоречием между универсалистскими устремлениями либерализма и более узкими притязаниями национализма.

Националисты жалуются на то, что либерализм разрушил узы национального единения и заменил их глобальным космополитизмом, который заботится о людях в далеких странах так же, как и о своих согражданах. Националисты 19 века основывали национальную идентичность на биологии и считали, что национальные сообщества основаны на общем биологическом происхождении. Это продолжает оставаться важной темой и для некоторых современных националистов, таких как премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, который определил венгерскую национальную идентичность как основанную на мадьярской этнической принадлежности.

Другие националисты, такие как израильский ученый Йорам Хазони, стремятся пересмотреть этно-национализм 20 века, утверждая, что нации представляют собой объединенные цивилизационные единицы, которые позволяют их членам разделять между собой прочные традиции еды, праздников, языка и тому подобного. Американский консервативный мыслитель Патрик Денин утверждал, что либерализм представляет собой форму «антикультуры», которая растворила все формы долиберальной культуры, используя власть государства для внедрения во все аспекты частной жизни народа и контроля над ними.

Примечательно, что Денин и другие консерваторы порвали с экономическими неолибералами и открыто обвиняли рыночный капитализм в подрыве ценностей семьи, человеческого сообщества и традиций. В результате категории 20 века, которые определяли политических левых и правых с точки зрения экономической идеологии, не вполне соответствуют современной реальности, поскольку правые группы готовы одобрять использование государственной власти для регулирования как общественной жизни, так и экономики.

Существует значительное совпадение в точках зрения между националистами и религиозными консерваторами. Среди главных традиций, которые хотят сохранить современные националисты, присутствуют религиозные. Например, партия «Право и справедливость» в Польше была тесно связана с Польской католической церковью и глубоко восприняла выступления последней против поддерживаемых либеральной Европой абортов и однополых браков. Точно так же религиозные консерваторы часто считают себя патриотами. Это относится, скажем, к американским евангелистам, которые составили ядро движения Трампа «Сделаем Америку снова великой».

Следует признать, что главная идея критики либерализма консерваторами о том, что либеральные общества не обеспечивают прочного общего морального ядра, вокруг которого может быть построено человеческое сообщество, достаточно верна. Но это особенность либерализма, а не его недостаток. Вопрос для консерваторов заключается в том, существует ли реальный способ повернуть время вспять и восстановить более жесткий моральный порядок.

Некоторые американские консерваторы надеются вернуться в воображаемое время, когда практически все в Соединенных Штатах были христианами. Но современные общества гораздо более разнообразны в религиозном отношении, чем во времена религиозных войн в Европе в шестнадцатом веке.

Идея восстановления общей моральной традиции, определяемой религиозными верованиями, бесперспективна. Лидеры, которые надеются добиться такого рода восстановления, такие как Нарендра Моди, индийский националист-премьер-министр, призывают к угнетению и межобщинному насилию. Моди слишком хорошо это знает: он был главным министром западного штата Гуджарат, когда в 2002 году его потрясли межобщинные беспорядки, в результате которых погибли тысячи человек, в основном мусульмане. С 2014 года, когда Моди стал премьер-министром, он и его союзники стремились привязать индийскую национальную идентичность к опорным столбам индуизма и языка хинди, что кардинально отличается от светского плюрализма основателей индийского либерализма.

Никуда без государства

Нелиберальные силы во всем мире будут продолжать использовать призывы к национализму в качестве мощного электорального оружия. У либералов может возникнуть соблазн отвергнуть эту риторику как ура-патриотическую и грубую. Но нацию своим противникам они все равно уступать не должны.

Либерализм с его универсалистскими претензиями может испытывать неловкость в соседстве с кажущимся ограниченным национализмом, но их можно примирить. Цели либерализма полностью совместимы с миром, разделенным на национальные государства. Все общества должны применять силу как для сохранения внутреннего порядка, так и для защиты от внешних врагов. Либеральное общество тоже делает это, создавая сильное государство, но затем ограничивая власть этого государства верховенством закона. Власть государства основана на общественном договоре между независимыми людьми, которые соглашаются отказаться от части своих прав поступать свободно, в обмен на защиту государства. Если мы имеем дело с либеральной демократией, то эта власть узаконена как всеобщим принятием закона, так и всенародными выборами.

Либеральные права бессмысленны, если они не могут быть обеспечены государством, которое, согласно известному определению немецкого социолога Макса Вебера, является законной монополией силы на определенной территории. Территориальная юрисдикция государства обычно соответствует территории, занимаемой группой лиц, подписавших общественный договор. Люди, живущие за пределами этой юрисдикции, тоже могут рассчитывать на уважение своих прав, но государство не всегда обязано обеспечивать им их соблюдение.

Таким образом, государства с четко определенной территориальной юрисдикцией остаются важными политическими игроками, поскольку они единственные могут осуществлять законное применение силы. В современном глобализованном мире власть осуществляется самыми разными институтами, от многонациональных корпораций до некоммерческих групп, от террористических организаций до наднациональных органов, таких как Европейский Союз и Организация Объединенных Наций. И никогда не была более очевидна необходимость международного сотрудничества в решении таких проблем, как глобальное потепление и борьба с пандемиями инфекционных заболеваний.

Но остается фактом то, что одна конкретная форма власти, а именно способность обеспечивать соблюдение правил с помощью угрозы или фактического применения силы, остается под контролем государств-наций. Ни Европейский союз, ни Международная ассоциация воздушного транспорта не используют собственную полицию или армию для обеспечения соблюдения установленных ими правил.

Такие организации по-прежнему зависят от силовых возможностей стран, которые наделили их соответствующими полномочиями. Безусловно, сегодня существует большой свод норм международного права, который во многих областях заменяет право национального уровня.

Подумайте, например, о *acquis communautaire* (*Acquis communautaire* — правовая концепция в системе правовых норм ЕС — *Прим. ред.*) Европейского Союза, который служит своего рода общим правом для регулирования торговли и разрешения споров. Но в конечном счете, международное право по-прежнему опирается на правоприменение на национальном уровне. Когда государства-чле-

ны ЕС расходятся во мнениях по важным вопросам политики, как это было во время кризиса евро 2010 года и миграционного кризиса 2015 года, проблемы решаются не европейским законодательством, а относительной властью государств-членов. Иными словами, высшая власть по-прежнему остается прерогативой национальных государств, а это означает, что контроль над властью на этом уровне остается критически важным.

Таким образом, искать противоречие между либеральным универсализмом и потребностью в национальных государствах не следует. Хотя нормативная ценность прав человека может быть универсальной, правоприменительная сила таковой не является. Это дефицитный ресурс, который обязательно применяется на четко ограниченной территории. И либеральное государство имеет полное право предоставлять разные уровни прав гражданам и негражданам, потому что у него нет ресурсов или полномочий для универсальной защиты прав всех людей. Все люди на территории государства пользуются равной защитой закона, но только его граждане являются полноправными участниками общественного договора, обладающими особыми правами и обязанностями, в частности правом голоса.

Тот факт, что государства остаются средоточием силы принуждения, должен вызывать осторожность в отношении предложений о создании новых наднациональных органов и делегировании им такой власти. Либеральные общества накопили несколько сотен лет опыта, изучая, как ограничивать власть на национальном уровне с помощью верховенства закона и законодательных институтов и как уравнивать власть так, чтобы ее использование отражало общие интересы. Но эти же общества понятия не имеют, как создавать такие институты на гло-

бальном уровне, где, например, глобальный суд или законодательная власть могли бы ограничивать произвольные решения глобального чиновничества. Европейский союз является продуктом самых серьезных до сих пор усилий, направленных на то, чтобы сделать это на региональном уровне. И то в результате получилась довольно неуклюжая система, характеризующаяся чрезмерной слабостью в одних областях (фискальная политика, иностранные дела) и чрезмерной властью в других (экономическое регулирование). Но у Европы по крайней мере есть некая общая история и культурная идентичность, которых нет на глобальном уровне. Международные институты, такие как Международный суд и Международный уголовный суд, продолжают полагаться на государства в обеспечении исполнения их судебных решений.

Немецкий философ Иммануил Кант рисовал в своем воображении «вечный мир», при котором на Земле, заполненной либеральными государствами, международные отношения будут регулироваться посредством закона, а не с помощью силы. К сожалению, спецоперация России на Украине продемонстрировала, что мир еще не достиг этого постисторического момента и что грубая военная сила остается главным гарантом мира для либеральных стран. Поэтому маловероятно, что национальное государство исчезнет как важнейший игрок в глобальной политике.

«Хорошая жизнь»

Консервативная критика либерализма содержит в своей основе разумный скептицизм в отношении того акцента, который делает либерализм на вопросах индивидуальной свободы. Либеральные общества предполагают равенство человеческого достоинства, то самого достоин-

ства, которое основывается на способности человека делать выбор. По этой причине либералы привержены защите этой свободы как основного права человека. Но хотя свобода индивидуума и является фундаментальной либеральной ценностью, это не единственное человеческое благо, которое автоматически превосходит все другие представления о «хорошей жизни».

Сфера того, что считается свободой, со временем неуклонно расширялась от свободы выбора в подчинении тем или иным правилам в рамках существующих моральных рамок, до создания этих правил для себя. Но уважение к человеческой свободе предназначалось для того, чтобы управлять и смягчать конкуренцию глубоко укоренившихся убеждений, а не для того, чтобы просто вытеснить эти убеждения во всей их полноте. Не каждый человек думает, что максимизация его личной свободы является самой важной целью жизни или что разрушение любой существующей формы власти обязательно является хорошей идеей. Многие люди с удовольствием ограничивают свою свободу выбора, принимая религиозные и моральные рамки, связывающие их с другими людьми, или живя в рамках унаследованных цивилизационных традиций. Первая поправка к Конституции США предназначалась для защиты свободы вероисповедания, а не для защиты граждан от религии.

Успешные либеральные общества имеют свою собственную культуру и свое собственное понимание «хорошей жизни», даже если это видение может быть более тонким, чем то, что предлагают общества, связанные одной доктриной. Они не могут быть нейтральными по отношению к ценностям, которые необходимы для поддержания их существования в качестве либеральных обществ. Им необходимо уделять первоочередное внимание духу

коллективизма, терпимости и активному участию в общественных делах, если они хотят быть сплоченными. Им нужно ценить инновации, предпринимательство и готовность идти на риск, если они хотят добиться экономического процветания. Общество обращенных внутрь себя личностей, заинтересованных только в максимизации своего личного потребления, вообще не будет обществом.

Государства важны не только потому, что они являются средоточием легитимной власти и инструментами контроля над насилием. Они также являются единственным источником общности людей. С одной стороны, либеральный универсализм бросает вызов природе человеческого общения. Ведь самые сильные узы привязанности человек испытывает к самым близким ему людям, таким как друзья и семья, а по мере расширения этого круга знакомых чувство долга по отношению к ним неизбежно ослабевает.

Но на протяжении веков, наряду с тем, как человеческие общества становились больше и сложнее, границы солидарности резко расширились от семей, деревень и племен до целых стран. Однако до сих пор мало кто любит человечество в целом. Для большинства людей во всем мире страна остается крупнейшей единицей солидарности, к которой они испытывают инстинктивную лояльность. И эта лояльность становится важнейшей опорой легитимности государства и, следовательно, его способности управлять. В некоторых обществах слабая национальная идентичность может иметь катастрофические последствия, как это видно в ряде развивающихся стран, таких как Мьянма и Нигерия, и в некоторых несостоявшихся государствах, таких как Афганистан, Ливия и Сирия.

Конкретика либерального национализма

Этот аргумент может показаться похожим на аргументы Хазони, консервативного израильского ученого, который в своей книге 2018 года «Добродетель национализма» выступает за глобальный порядок, основанный на суверенитете национальных государств. Он делает важное замечание, предостерегая от склонности либеральных стран, таких как Соединенные Штаты, заходить слишком далеко в стремлении переделать остальной мир по своему образу и подобию. Но он ошибается, полагая, что существующие страны являются четко разграниченными цивилизационными единицами, и что мирный глобальный порядок можно построить, приняв их такими, какие они есть. Сегодняшние страны — это социальные конструкции, являющиеся побочным продуктом исторической борьбы, которая часто включала завоевания, насилие, насильственную ассимиляцию и преднамеренное манипулирование цивилизационными символами. Существуют лучшие и худшие формы национальной идентичности, и общества могут выбирать между ними.

Если национальная идентичность основана на фиксированных характеристиках, таких как раса, этническая принадлежность или религиозное наследие, то она становится потенциально не-инклюзивной категорией, нарушающей либеральный принцип равного достоинства. Хотя между потребностью в национальной идентичности и либеральным универсализмом нет обязательного противоречия, тем не менее между двумя этими принципами существует мощная потенциальная точка напряжения. Основанная на фиксированных характеристиках национальная идентичность может превратиться в агрессивный и эксклюзивный национализм, как это произошло в Европе в первой половине двадцатого века.

По этой причине либеральные общества не должны официально признавать группы, основанные на фиксированной идентичности, такой как раса, этническая принадлежность или религиозное наследие. Конечно, бывают, бывают и такие случаи, когда это становится неизбежным, и либеральные принципы не действуют. Во многих частях мира этнические или религиозные группы из поколения в поколение занимали одну и ту же территорию и имеют свои собственные прочные культурные и языковые традиции. На Балканах, Ближнем Востоке, в Южной Азии и Юго-Восточной Азии этническая или религиозная идентичность де-факто является существенной характеристикой большинства людей, и ассимилировать их в более широкую национальную цивилизацию практически нереально.

В принципе можно организовать некую форму либеральной политики вокруг нескольких цивилизационных единиц. Индия, например, признает несколько национальных языков и в прошлом разрешала своим штатам устанавливать собственную политику в отношении систем образования и права. В таких странах, как правило, необходимо наличие федерализма и сопутствующая передача полномочий субнациональным единицам.

Власть может быть формально распределена между различными группами, определяемыми их культурной идентичностью, в структуре, которую политологи называют «консоциональная демократией». Это политическая система, ориентированная на интересы национальных меньшинств, применимая в государстве, разделенном на сегменты по этническим, религиозным, региональным и другим признакам. Один из примеров — Северная Ирландия.

Хотя это сработало достаточно хорошо в Нидерландах, эта практика оказалась катастрофической в таких ме-

стах, как Босния, Ирак и Ливан, где группы идентичности оказались запертыми в безысходной борьбе без победителя. В обществах, в которых цивилизационные группы еще не превратились в самоценные единицы, лучше обращаться с гражданами как с индивидуумами, а не как с членами групп идентичности.

Наряду с этим, есть и другие аспекты национальной идентичности, которые могут быть приняты добровольно и, следовательно, более широко распространены, такие как литературные традиции, исторические нарративы, язык, еда и спорт. Каталония, Квебек и Шотландия — все это регионы с отличными историческими и культурными традициями, и все они имеют много сторонников национализма, стремящихся к полному отделению от страны, с которой они связаны. Но нет никаких сомнений в том, что эти регионы продолжали бы оставаться либеральными обществами, уважающими права личности, даже если бы они отделились, как это произошло в Чехии и Словакии после того, как они стали отдельными странами в 1993 году.

Национальная идентичность представляет собой очевидную опасность, но также и определенные возможности. Это социальная конструкция, и ее можно формировать так, чтобы поддерживать либеральные ценности, а не подрывать их. Исторически сложилось так, что многие страны сформировались из разнообразного населения, испытывающего сильное чувство общности, основанное на политических принципах или идеалах, а не на детерминированных групповых категориях. Австралия, Канада, Франция, Индия и Соединенные Штаты — все это страны, которые в последние десятилетия стремились конструировать национальную идентичность на основе политиче-

ских принципов, а не расы, этнической принадлежности или религии.

Соединенные Штаты прошли долгий и болезненный процесс переосмысления того, что значит быть американцем, постепенно устраняя барьеры на пути к гражданству на основе класса, расы и пола, хотя этот процесс все еще не завершен и претерпел множество неудач. Во Франции выстраивание национальной идентичности началось с Декларации прав человека и гражданина Французской революции, которая установила идеал гражданства, основанный на общем языке и культуре.

В середине двадцатого века Австралия и Канада были странами с преобладающим белым населением и ограничительными законами в отношении иммиграции и гражданства, такими как пресловутая политика «белой Австралии», которая не допускала иммигрантов из Азии. Однако обе эти страны реконструировали свою национальную идентичность на нерасовой основе после 1960-х годов и открылись для массовой иммиграции. Сегодня в обеих странах больше населения, родившегося за границей, причем здесь отмечается гораздо меньший уровень расовой поляризации, чем в США и возрождения белого расизма.

Тем не менее, нельзя недооценивать трудность формирования общей идентичности в резко разделенных демократиях. Большинство современных либеральных обществ были построены на основе исторических наций, чье понимание национальной идентичности было выковано нелиберальными методами. Франция, Германия, Япония и Южная Корея были нациями до того, как стали либеральными демократиями. Соединенные Штаты, как многие отмечали, стали государством еще до того, как стали нацией.